МЫ НИКОГДА НЕ ВСТРЕЧАЛИСЬ

Станислав Оушен

Мы никогда не встречались

https://litres.ru/74728639
SelfPub; 2026

Аннотация

Незнакомая женщина появляется на пороге Риты и требует прекратить переписку с её мужем. В доказательство показывает сообщения, фотографии и голосовые записи. Всё выглядит убедительно. Но Рита никогда ничего подобного не отправляла.

Пытаясь выяснить, кто присвоил её имя, Рита знакомится с женщиной, чью семью, похоже, тоже сделали частью чужой игры. Правду придётся искать вместе — хотя доверять друг другу у них меньше всего причин.

Содержание

Глава 1. Женщина у двери 4
Глава 2. Чужой звонок 7
Глава 3. Доказательства без человека 11
Глава 4. Библиотечная полка 14
Глава 5. Открытый профиль 18
Конец ознакомительного фрагмента. 20

Станислав Оушен
Мы никогда не встречались

Глава 1. Женщина у двери

— Перестаньте писать моему мужу. Иначе я приду с полицией.

Женщина произнесла это тихо, почти вежливо. Она стояла в коридоре моего дома с детским рюкзаком на плече и телефонным экраном, повёрнутым ко мне. На экране было моё лицо.

Я увидела снимок, который сделала прошлой зимой у окна, и подпись: «Ты же знаешь, что она тебе не подходит».

— Кто вам это прислал?

— Вы, — ответила женщина. — Рита, хватит.

Я не представлялась. Она знала имя на двери, знала мой этаж, знала, где меня искать. В лифте за её спиной кто-то нажимал кнопку, раздражённо звенел механизм.

— Я не знаю вашего мужа, — сказала я.

Женщина протянула телефон ближе. В переписке были десятки сообщений: фотографии, обрывки голосовых, безобидные шутки, затем намёки, потом угрозы рассказать жене «всю правду».

Я узнала голос на одной записи. Он был похож на мой, но

слова произносил с лёгкой паузой перед буквой «р», которой у меня не было.

— Вы правда считаете, что это я? — спросила я.

— А вы правда считаете, что я хотела к вам приходить?

Она убрала телефон и, уже поворачиваясь, сказала:

— Его зовут Сергей. Мы вместе одиннадцать лет. У нас сын. Что вам от нас нужно?

Я закрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Через минуту из ванной донёсся звук капающей воды. Настолько обычный, что хотелось заплакать.

Я начала с того, что проверила замок. Повернула ключ дважды, хотя женщина уже ушла. Потом поставила телефон на зарядку и открыла свои социальные сети. В последней публикации я рассказывала, как осенью люди становятся раздражительнее от недостатка сна. Под ней кто-то уже написал: «А сами чужие семьи разрушаете». Комментарий был оставлен шесть минут назад.

Я сняла его со страницы, но не удалила: сохранила адрес и время. Руки делали привычную журналистскую работу, пока я пыталась понять, чем заслужила чужую ненависть. У меня были отношения в прошлом, ошибки, которые хотелось забыть, неотправленные сообщения. Но ни одного Сергея.

Поздно вечером позвонила мама. Спросила, не простыла ли я, предложила привезти варенье. Я ответила резко: «Не надо ничего везти». После разговора открыла мессенджер и посмотрела, сколько времени кто-то переписывался с чужим

мужчиной от моего имени. Маме я не сказала и двух честных слов.

На ночь я выключила уведомления и легла. Через стену соседка смотрела сериал и смеялась. Я долго злилась на этот смех, потом неожиданно уснула под него.

У меня никогда не было знакомого Сергея. Но кто-то уже прожил за меня целую переписку.

Глава 2. Чужой звонок

Ночью я проснулась от того, что кто-то стучал в батарею. Звук был таким громким, что я на секунду решила: женщина вернулась и стоит за дверью. Потом поняла — наверху опять ремонт. Я подошла к глазку, хотя знала, что в коридоре никого нет.

На телефоне лежало новое сообщение от неизвестного аккаунта. Без текста, только ссылка на моё старое интервью. Под видео кто-то оставил фразу: «Ей легко говорить о доверии, когда она чужое разбивает». Я открыла профиль автора. Пустая фотография, несколько репостов, ни одного имени. Я хотела ответить, что никогда не встречалась с Сергеем, но остановилась. Человек мог не поверить ни одному слову; именно поэтому он и написал.

Я закрыла страницу, подошла к окну. Напротив в кухне соседнего дома пожилой мужчина медленно мыл тарелки. Он не знал, что в эту минуту в другом окне женщина пытается доказать свою жизнь через экран.

Утром мама пришла без предупреждения. На этот раз с вареньем. Я открыла дверь и разозлилась, хотя очень хотела её видеть.

— Ты же сказала не приезжать, — сказала я.

— Я услышала, что ты злишься. Но банку уже сварила.

Она прошла на кухню, поставила пакет и сразу заметила,

что я не спала. Мы не обсуждали комментарии. Мама спросила, что у меня с работой, а я резко ответила, что никакой работы, если людям достаточно одного скриншота, чтобы решить, кто я.

Мама села, достала из пакета хлеб. В детстве она всегда начинала серьёзные разговоры с еды, будто человека легче слушать, если тот жует. Я хотела сказать, что не маленькая. Вместо этого намазала варенье на хлеб и почувствовала, как у меня дрожит рука.

— Я не могу доказать, что ничего не делала, — сказала я.

— Знаю.

— Откуда?

— Потому что ты говоришь об этом уже час. А никто у тебя доказательств не просил, кроме той женщины.

Я рассмеялась и заплакала одновременно. Мама подошла, обняла меня, пахла стиральным порошком и яблоками. Потом отошла, не заставляя меня успокаиваться.

Когда она ушла, я набрала номер редактора. Попросила не удалять подозрительные комментарии, а сохранять их с датами и ссылками, если они нарушают правила. Редактор ответила, что часть уже исчезла. Мы решили больше не пытаться «почистить» историю до идеальной тишины. Я села за стол, открыла новый документ и записала, что действительно произошло вчера — по минутам, без догадок о чужих намерениях.

* * *

Из прихожей я убрала обувь и вытерла следы грязи. Женщина оставила их на коврике, когда приходила с обвинениями. Я протирала пол слишком тщательно, будто могла убрать не только грязь, но и её слова. На стуле лежал детский рюкзак, который она случайно поставила, пока показывала переписку. Нет, не лежал: я просто запомнила его так ярко, что всё ещё видела ремешок на спинке стула. Я села и заставила себя назвать три настоящих предмета вокруг. Ключи, чашка, блокнот. Рюкзака не было.

В блокноте я обычно записывала вопросы для интервью. На первой странице нового разворота написала: «Что показала женщина?» Дальше — десятки сообщений, фотографии, голосовые. На второй: «Что видела сама?» Визит, чужой телефон, свои старые публикации. Третью страницу оставила для того, чего не знаю. Она быстро заполнилась.

Мне пришло письмо от редактора городской медиатеки. На завтра была назначена встреча о новом проекте, где я должна была вести разговор с пожилыми жителями. Организаторы попросили перенести обсуждение, сославшись на нехватку времени. Я поняла, что настоящая причина может быть в слухах, но доказательств этому не было. Ответила, что свободна в любой день следующей недели.

Вечером соседка постучала с вопросом про протёкшую трубу. Я открыла с такой настороженностью, что она отступила.

— Всё нормально, Рита?

— Да. С трубой не знаю, а так нормально.

Она посмотрела на меня и не стала спрашивать дальше. Мы вместе проверили стояк, обнаружили сухой пол. Она поблагодарила и ушла. После этого короткого разговора мне стало легче. Не всякая женщина, пришедшая к двери, собирается обвинять меня в чьём-то несчастье.

Глава 3. Доказательства без человека

На следующий день я проснулась от шести пропущенных звонков. Незнакомая женщина представилась Ольгой и извинилась за вчерашнее. Я не знала, верить ли извинению.

— Я пришла, потому что он не стал ничего объяснять, — сказала она. — Только сказал: «Сходи к ней сама, если не веришь».

Я переставила чашку с места на место. Значит, Сергей сам отправил жену по моему адресу.

— Откуда у него мой адрес?

— Из переписки. Там вы якобы сами его написали.

Я попросила экспорт переписки, чтобы сохранить даты и вложения. Ольга сказала, что пока не уверена, стоит ли мне это присылать. «И не присылайте пока, — ответила я. — Сначала сохраните всё у себя. Если решитесь — встретимся в людном месте».

Мы назначили встречу в библиотеке. Ольга пришла с сыном, который сразу направился к полке с комиксами. Она выглядела уставшей, не сердитой. На стол положила распечатку переписки с подчёркнутыми датами.

— Вот здесь, — сказала она, — голосовое было отправлено двадцать третьего января. Вы где были?

Я открыла календарь. В тот день весь вечер вела прямой эфир для городской медиатеки; запись сохранилась публично. В то же время голос на чужом экране говорил Сергею, что я сижу в машине у его офиса.

— Голос можно сгенерировать, — сказала я. — Но это пока только предположение.

Ольга долго смотрела на моё лицо. Потом спросила:

— Почему вы не спрашиваете, изменял ли он мне?

— Потому что это вопрос к вам и ему. Я хочу понять, кто использовал моё имя.

Ольга собрала листы ровной стопкой. Она всё ещё держала сумку на коленях, хотя мы сидели уже полчаса.

Ольга осторожно убрала распечатки в конверт. Руки у неё были в маленьких порезах: возле ногтей кожа потрескалась от холода. Она заметила мой взгляд и спрятала пальцы под стол.

— Я работаю в семейной пекарне, — сказала она. — Когда сын болеет, ночами замешиваю тесто, чтобы утром успеть в школу. Сергей говорит, что мне не нужно столько работать. А я не хочу всё время быть кому-то должна.

— Он знает, что вы здесь?

— Знает. Сказал, что я всё испорчу.

Её мальчик поднял голову от комикса и помахал рукой. Ольга ответила, быстро отвела глаза и стала тереть под столом потрескавшиеся пальцы. Я достала из сумки салфетки, но не знала, предложить ли их ей.

— Хотите, я запишу, что мы точно проверили? — предложила я. — Не догадки, только факты.

Она протянула мне чистый лист. Мы вместе провели вертикальную черту: слева «знаем», справа «предполагаем». Во втором столбце записей оказалось больше. Но теперь они хотя бы перестали смешиваться.

Вечером Ольга прислала только одно сообщение: «Сергей считает, что вы нас обманываете». Я написала резкий ответ, стёрла его и набрала осторожный. Потом она не выходила на связь два дня. Мне хотелось назвать это неблагодарностью. Неловко признавать, но я всё ещё видела в ней посетительницу, которая пришла с угрозой, а не человека, которому дома сейчас страшнее, чем в моей прихожей.

В это время редактор попросила меня временно не вести прямой эфир: рекламодатель не хотел скандала на афише. Я сказала «понимаю», хотя не понимала. Дома сорвалась на маму, которая снова звонила с вопросом про варенье. «Ты меня не слушаешь!» — закричала я. Она ответила: «Я хотя бы спрашиваю, что тебе нужно». Я села на пол у дивана. Через несколько минут перезвонила и впервые рассказала ей про визит незнакомки.

Глава 4. Библиотечная полка

В библиотеку я вернулась через два дня после встречи с Ольгой. Сотрудница узнала меня и спросила, не хочу ли провести лекцию о городской журналистике. Раньше я ответила бы сразу. Теперь подумала о мальчике, который сидел здесь с комиксом, пока его мать показывала мне чужие сообщения.

Я подошла к той самой полке. Комиксов стало меньше, вместо них лежали книги о космосе. На корешке одной был нарисован зелёный корабль. Мне захотелось узнать, что любит сын Ольги и как он зовёт её дома. Я остановила себя. Мы познакомились не потому, что выбрали друг друга для дружбы. Я не имела права собирать их жизнь в папку, только потому что кто-то использовал моё лицо.

Позвонила редактор и сообщила, что рекламодатель просит убрать мою фотографию с афиши. «Ненадолго», — добавила она. Я спросила, на какой срок. Она не знала. Я попросила письменно подтвердить решение и вышла на улицу, пока не сказала что-нибудь лишнее.

Дома позвонила мама. Она рассказала, что варенье получилось кислым. Я сказала, что как раз люблю кислое. Мама засмеялась и спросила, не нужна ли помощь. Я попросила её просто приходить иногда, даже без банки. Она помолчала, потом сказала: «Хорошо. Но если приду с банкой, выгонишь?» Я ответила, что нет.

На следующий день библиотекарь прислала фотографию афиши без моего лица. Это было неприятно. Я не выложила её в сеть и не стала писать громкий пост. Вместо этого составила для редакции короткий список вопросов: кто принимает решение, как долго будет действовать ограничение, какие у меня есть варианты. Ответы пришли не сразу. Я поняла, что ждать их можно без того, чтобы каждую минуту доказывать свою невиновность кому-то ещё.

* * *

Мама принесла не одну банку, а четыре. Сложила их в ряд на подоконнике и стала рассказывать, кому какую хотела подарить. Я слушала вполуха, проверяя почту. В письме от бывшего коллеги было всего две строчки: «Слышал про историю с Сергеем. Держись». Мне стало неприятно, что даже люди, которых я давно не видела, знают имя мужчины, которого я сама не знала.

— Перестань смотреть в телефон, — сказала мама.

— Я работаю.

— Ты третий раз читаешь одно письмо.

Я положила аппарат. Мама отрезала хлеб, размазала по нему варенье и вдруг сказала:

— У меня на работе тоже однажды сочинили, будто я попросила начальника выгнать сотрудницу. Я долго пыталась всем объяснить, что это неправда. Потом узнала, что начальник сам так сказал, чтобы не ругаться с людьми.

— И что ты сделала?

— Пошла к нему. Разругалась. Потом ещё неделю со мной не разговаривали.

Это была не победная история. Мама не получила извинений и не стала героиней. Я спросила, почему раньше она мне об этом не рассказывала. Она пожала плечами:

— Не думала, что пригодится.

Мы допили чай. Я почувствовала, что могу попросить её остаться на ужин, не превращая просьбу в признание собственной беспомощности. Мама согласилась, но поставила условие: будем готовить вместе, а не доставать готовые котлеты из морозилки. Мы нарезали овощи, спорили о количестве соли. Когда телефон завибрировал, я посмотрела на экран и оставила его лежать. Письмо никуда не исчезло. Зато мама впервые за неделю перестала смотреть на меня так, будто боялась произнести моё имя слишком громко.

* * *

У редакции меня ждал пожилой мужчина в сером плаще. Сначала я решила, что это читатель, недовольный заметкой о ремонте площади. Но он назвал моё имя и спросил, можно ли поговорить о фотографии, которую кто-то использует в интернете.

Оказалось, он снимал городской праздник прошлой зимой и именно на его фотографии я стояла у окна. Я помнила этот кадр: свет был плохой, я моргнула, и всё же попросила редактора оставить снимок на афише. Мужчина признался, что отправлял его в несколько мест, не проверив условия ис-

пользования.

— Я не знаю, откуда его взяли дальше, — сказал он. — Но если нужна исходная версия, она у меня осталась.

Мы поднялись в редакцию. На его старом ноутбуке лежали сотни фотографий, разложенных по датам. Он долго искал нужный файл, ругался на слишком маленькие буквы. Наконец открыл оригинал. В свойствах стояла дата, совпадающая с афишей. Это не называло создателя подделки, зато подтверждало, что изображение использовали из обычной публичной съёмки.

Я попросила разрешения сохранить копию и контакты автора. Он согласился, потом неожиданно сказал:

— Простите, что вы из-за моей фотографии попали в эту историю.

— Вы снимали городской праздник, — ответила я. — Это не вы писали сообщения.

Мы попрощались. Я смотрела на исходный кадр, где за моей спиной стояли дети с бумажными фонариками. Они ничем не были обязаны человеку, который позже использовал картинку. Я закрыла файл и вернулась к работе.

Глава 5. Открытый профиль

Я работала журналисткой в небольшом городском издании. Не знаменитость, но достаточно заметный человек, чтобы моё лицо и голос легко находились в интернете. Вела интервью, читала лекции, иногда записывала подкасты. Для подделки не требовалось взламывать мой телефон: многие материалы были доступны открыто.

Ольга принесла другую деталь. В переписке с моим именем упоминалась их поездка на море — даты и номер гостиницы. Эти сведения не были публичными.

— Значит, источник рядом с вами, — сказала я.

Она кивнула, но выглядела так, будто я её ударила. Список возможных людей был коротким: Сергей, его сестра, мать Ольги и семейный турагент.

Мы позвонили в гостиницу не для того, чтобы получить чужие данные, а чтобы уточнить собственное бронирование Ольги. Подтвердили только одно: копия письма с датами уходила на адрес Сергея и общий семейный ящик.

Я проверила фотографии в переписке. Одна была снята во время моего публичного выступления. Другая — из частной записи, которую я отправляла редактору для согласования афиши. Её мог видеть узкий круг людей. Третья казалась настоящей, но на ней руки были не мои: кольцо сидело не на том пальце, привычная тонкая цепочка отсутствовала.

Вечером редактор издания рассказала, что месяц назад компания «Форма. Коммуникации» предлагала нам пакет автоматической персонализации сообщений для рекламодателей. Она отказала из-за непонятных условий обработки данных. Но демоверсию кто-то из отдела успел скачать.

— У них было твоё лицо в презентации, — сказала редактор. — Я решила, что они взяли фото из открытого профиля.

Редактор показала мне старую презентацию. Там моё лицо стояло рядом с диаграммой и надписью «демонстрация персонализации». Я сделала снимок экрана, увеличила фотографию: это был кадр из моего публичного эфира. Обычный, неудачный — я там моргала.

Вечером позвонил бывший парень, Дима. Мы расстались год назад, но он всё ещё присылал ссылки на смешные видео и называл меня «главред», когда хотел поднять настроение.

— Рит, это правда? — спросил он без приветствия.

Я молчала пару секунд. Он спохватился:

— Извини. Увидел в местном чате скриншоты. Там твоё фото.

— Фото настоящее. Сообщения нет.

— Я так и подумал. Просто хотел услышать.

Дима спрашивал осторожно. После нашего расставания мы договорились не искать поводов снова встречаться, а теперь я едва не попросила его приехать. Хотелось, чтобы хотя бы один знакомый человек посмотрел на меня и не стал сверяться с чужими скриншотами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.